

РЫБАЛКА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

ПРИФРОНТОВАЯ ПОВЕСТЬ

НИКОЛАЙ ЛЕВАНДА

Рыбалка особого назначения

Николай Леванда

Глава 1. Однообразие блиндажного меню

Сухой закон передовой тянулся третью неделю. Накатанный в три наката потолок блиндажа мерно вздрагивал от далеких, глухих разрывов — там, ближе к Авдеевскому направлению, артиллерия работала без устали, а здесь, в низине у старых дачных поселков, закрепилась звенящая, липкая тишина.

Старшина Савельич, мужчина лет пятидесяти с глубокими морщинами у глаз, с тихим жестяным стуком выставил на дощатый стол очередную партию банок.

— Ну что, орлы, на завтрак у нас перловка с говядиной, на обед — гречка со свиной, на ужин — макароны по-флотски, опять же с тушеной говядиной, — монотонно, как заправский официант, проговорил он, вытирая засаленный нож о штанину. — Прошу к нашему шалашу.

Молодой боец с позывным Левша, сидевший в углу над разобранным контроллером от квадрокоптера, даже не поднял головы. От одного запаха разогретого комбижира у него уже сводило челюсти. Хотелось чего-то простого, домашнего, резко пахнущего свежестью. Например, ухи. Из плотных, нагулявших за лето жир карасей или хорошего, увесистого сазана. Озеро было совсем рядом, в каких-то пятистах метрах, в ничейной полосе, густо заросшей камышом и прикрытой туманом. Но подойти к нему на выстрел означало поймать пулю с той стороны.

Савельич заметил его кислый взгляд, присел на край нар и закурил, пуская дым в сторону вентиляционной трубы.

— Что, Левша, не лезет? Это ты, брат, зажрался. Сейчас хоть снабжение регулярное, грех жаловаться. А вот помню, в четырнадцатом-пятнадцатом тут вообще лотерея была с едой. Зато с дичью попроще. Тут раньше, еще, Захарченко, когда жив был, пацаны, говорили, кабанчик бегал. Так они кабанчика из автомата очередью завалят. И смаковали кабанятинку, а тушенку местным отдавали. Тогда еще местных тут много было, сейчас выехали все. Кабанов тоже не стало, разбежались. Отвыкла земля от тишины, вся крупная живность вглубь тыла ушла, подальше от железа.

Левша отложил паяльник и посмотрел на Савельича. В глазах парня загорелся тот самый нехороший, изобретательский огонек, которого обычно так опасался ротный командир.

— Кабаны, говоришь, разбежались... — протянул Левша, глядя сквозь земляную стену блиндажа туда, где за минными полями лежало темное, молчаливое озеро. — Ну, кабан животное сухопутное, ему под обстрелом неуютно. А вот рыба... Рыба в воде сидит, ей осколки побоку. Она там жирная сейчас, Савельич. Сто процентов.

— Жирная-то жирная, да зубами не вытащишь, — хмыкнул старшина. — Туда даже мышь не проскочит, не то что человек с удочкой. Забудь. Ешь перловку.

Левша ничего не ответил. Он повернулся к углу блиндажа, где у стены стояла укрытая брезентом небольшая гусеничная платформа — их штатный робот-доставщик «Транспортер», который пацаны ласково звали «Громилой» за невероятную проходимость при скромных

размерах.

«Если человек не может пойти на рыбалку, — подумал Левша, — значит, на рыбалку поедет робот».

Глава 2. Рождение «Карася»

Весь следующий день Левша вел себя подозрительно тихо. Командир роты, проходя мимо капонира, где стояла техника, лишь удовлетворенно хмыкнул: парень сосредоточенно ковырялся в потрохах «Транспортера», что-то подпаивал, крутил гайки и изолировал синей изоляцией. Комбат подумал, что технарь просто проводит плановое ТО гусеничного малыша после вчерашнего подвоза боекомплекта. Если бы он знал, К чему именно готовит платформу его лучший оператор, уха, скорее всего, накрылась бы неначатой.

На самом деле в голове у Левши развернулось настоящее конструкторское бюро. Позиционная война приучила солдат ценить две вещи: смекалку и качественную связь. И то, и другое у Левши было в избытке.

Главным элементом новой системы стала катушка с тончайшим, но невероятно прочным оптоволоконным кабелем в специальной арамидной оплетке. Такие кабели сейчас использовали для новейших дронов-камикадзе, чтобы обходить любую вражескую систему РЭБ. Порвать его руками было невозможно, а на разрыв он выдерживал колоссальные нагрузки — как раз то, что нужно для крупной озерной рыбы.

— Так, с леской решили, — бормотал Левша, закрепляя катушку на самодельном кронштейне позади аккумуляторного отсека робота. — Теперь — как доставить наживку?

Для заброса снасти Левша приспособил обрезок стальной трубы и мощную пружину от разбитой подвески старого гражданского авто, найденного в брошенных гаражах. Получилась своеобразная механическая пушка-катапульта. При нажатии кнопки на пульте рычаг освобождал пружину, и тяжелое грузило должно было улететь метров на тридцать-сорок вперед.

Самым тонким моментом была электроника. В качестве «глаз» Левша использовал личный защищенный смартфон с мощным ударопрочным и водонепроницаемым корпусом. Главное его достоинство заключалось в камере: широкоугольный объектив с углом обзора почти в 170 градусов и встроенный режим ночной съемки Night Vision, работающий в инфракрасном спектре. Под водой, где на глубине пары метров царил вечный полумрак, этот телефон мог видеть то, что скрыто от человеческого глаза.

Левша бережно упаковал смартфон в прозрачный пластиковый бокс, предварительно выведя наружу герметичный переходник для подключения к оптоволокну. К нижней части бокса он прикрутил свинцовую пластину — готовое грузило, а чуть выше, на поводке из толстой плетенки, закрепил тройной крючок, на который наживил сочный кусок сала из недавней посылки. Рыба в этих местах, не пуганная человеком уже несколько лет, должна была сойти со ума от такого угощения.

— Ну и финальный штрих, — шепнул Левша, монтируя на корме робота широкий пластиковый ящик, в котором обычно возили мины.

Он доработал его: соорудил хитрую прижимную планку-скребок. Когда катушка сматывала оптоволокно обратно, пойманная рыба дотягивалась до самой кормы, упиралась в прорезь планки, крючок под натяжением вылетал из пасти, и добыча точнехонько падала внутрь пластикового бункера. Полная автоматизация.

К полуночи робот, переименованный создателем в РТК «Карась-1», был готов к своему первому, самому необычному боевому выходу.

Глава 3. Ночной рейд к «серой зоне»

В два часа ночи над низиной лег густой, как парное молоко, туман. Он напелзал с озера, укрывая выжженную траву, разбитые дачные заборы и воронки. Для Левши эта погода была идеальной — тепловизоры с той стороны в таком тумане слепли, а значит, шансы проскочить незамеченными возрастали втрое.

Левша сидел в самом темном углу блиндажа, подсвеченный лишь тусклым сиянием экрана операторского пульта. Рядом, дымя сигаретой в кулак, напряженно сопел Савельич. Старшина до последнего ворчал, что это «мальчишество и порча казенного имущества», но любопытство и мечта о свежей рыбе взяли верх.

— Ну, с богом, — шепнул Левша и плавно двинул левый стик вперед.

Снаружи, у самого выхода из капонира, тихо, едва слышно зашелестели гусеницы. «Карась-1» тронулся с места. Его электромоторы работали почти бесшумно, издавая лишь легкий, похожий на сверчка свист. Робот медленно пополз по заранее изученной тропинке — мимо поваленного бетонного столба, аккуратно огибая плетень старого огорода.

На экране пульта картинка с курсовой камеры робота была черно-белой и зернистой из-за ночного режима. Качались длинные стебли бурьяна, проплывали силуэты развороченных деревьев. Левша вел машину уверенно, обходя места, где могли остаться «лепестки» или старые неразорвавшиеся мины.

— Притормози, — выдохнул в ухо Савельич. — Справа, у развилки, вроде чисто было, а вот дальше к берегу — там наши три месяца назад сигналки ставили. Не зацепи.

— Вижу, Савельич, всё под контролем, — тихо отозвался Левша. Он аккуратно повернул платформу влево, направляя её прямо к темной стене камыша, за которой угадывалась ровная гладь воды.

Озеро встретило робота абсолютной, мертвой тишиной. Вода казалась тяжелой, маслянистой, в ней лениво отражались редкие вспышки далеких артиллерийских зарниц на горизонте. Робот выполз на небольшой песчаный пятачок у самой кромки, где когда-то был деревенский мосток. Теперь от мостка остались только три гнилые сваи.

Левша переключил тумблер на пульте. На экране загорелась красная надпись: «Модуль заброса: Готов».

— Ну что, Левша, пуляй, пока «птички» не прилетели, — поторопил старшина, вытирая вспотевший лоб.

Палец оператора лег на кнопку спуска. Пружина катапульты сорвалась с боевого взвода с глухим, сочным металлическим щелчком, который тут же утонул в подушке тумана. Тяжелый герметичный бокс со смартфоном и заветным куском сала взмыл в воздух, увлекая за собой тончайшую, невидимую в темноте нить оптоволоконка. С тихим всплеском снасть ушла под воду метрах в тридцати от берега.

На пульте управления автоматически переключился видеовход. Экран на мгновение моргнул, и Левша с Савельичем затаили дыхание: теперь они смотрели на мир из глубины ночного

озера.

Глава 4. Подводная охота

Экран пульта моргнул, и черно-белая картинка сменилась глубоким, зеленовато-серым маревом. Высокочувствительная матрица смартфона, работая на пределе своих возможностей в режиме ночной съемки, сотворила чудо: подводный мир открылся бойцам во всех деталях, словно они сами опустили на дно с маской.

Широкоугольный объектив захватывал огромный кусок озерного дна. Мягко колыхались длинные плети рдеста, похожие на подводные джунгли. На переднем плане, прямо перед камерой, на песчаном пятачке лениво покачивался на течении поводок. А на нем — белый, аккуратно отрезанный кубик сала, резко выделявшийся на темном фоне ила.

— Мать твоя женщина... — выдохнул Савельич, подавшись вперед так близко, что чуть не задел носом экран. — Ну и кино. Левша, глянь, там справа мелочь какая-то крутится!

Действительно, к салу тут же подскочила стайка любопытных верховодок и мелких окушков. Они суетливо тыкались носами в угощение, но сдвинуть тяжелую капсулу с места не могли. Левша не шевелился. Его пальцы замерли над рычажками управления сервоприводами катушки. Он ждал крупную рыбу. За годы без людей озерные гиганты должны были потерять всякий страх.

Минуты тянулись как резиновые. В блиндаже было слышно только тихий писк электроники и тяжелое дыхание двух мужчин.

Вдруг мелкая рыбешка брызнула в стороны и мгновенно исчезла в зарослях травы. Из зеленоватой полутьмы, плавно и величественно, как подводная лодка на параде, выплыл огромный темный силуэт. Это был сазан. Старый, горбатый, покрытый крупной чешуей размером с хорошую монету. Он шел медленно, едва шевеля тяжелыми плавниками, усами пробуя воду.

— Сазан... — прошептал старшина, и его голос сорвался на фальцет. — Левша, это же килограмма на четыре кабанчик! Хоть бы не сошел, хоть бы не сошел...

Рыба остановилась в полуметре от наживки. Широкоугольный объектив передавал малейшее движение его жаберных крышек. Сазан наклонился, разглядывая странное белое облачко, пахнущее настоящим домашним теплом. Он сделал круг, словно проверяя, нет ли подвоха, а затем решительно пошел вперед. Его мясистый рот вытянулся в трубочку и буквально втянул в себя кусок сала вместе с тройником.

— Пора! — рявкнул Савельич.

Но Левша выждал еще секунду, пока сазан развернулся, и только тогда резко нажал на спуск.

Автоматика отработала штатно. На корме робота глухо взвыл зажатый в тиски сервопривод катушки, мгновенно выдав мощное натяжение. Оптиковолоконная нить натянулась как струна. На экране пульта началась настоящая буря: поднялись тучи ила, замелькали безумные круги, вода запенилась от яростных ударов мощного хвоста. Рыба отчаянно боролась, пытаясь уйти в камыши, но арамидная жила держала намертво.

— Мотай, Левша, мотай, упустишь! — Савельич уже забыл про маскировку и вражеские дроны.

Робот на берегу, надежно зафиксированный своим весом на песчаном грунте, упорно, сантиметр за сантиметром, наматывал невидимую леску на барабан. Через пару минут бешеной борьбы на экране показался пузырящийся воздух, а затем картинка резко перевернулась — камера смартфона выскочила на поверхность воды.

Еще мгновение — и сазан, тяжело шлепая хвостом по прибрежной гальке, пополз за натянутым тросом прямо к гусеницам «Карася». Он уперся в металлическую планку-скребок на корме платформы. Под жестким натяжением катушки крючок выскочил из пасти, и огромный, серебряно-золотой красавец чисто, как по учебнику, свалился в пустой ящик из-под мин.

— Есть! — Левша победно вскинул кулак. — Первый пошел! Ну что, Савельич, на одну порцию ухи уже точно наскребли. Продолжаем?

Глава 5. Запах настоящей ухи

К четырем часам утра, когда туман над озером стал совсем прозрачным, а небо на востоке подернулось бледной синевой, Левша скомандовал «Карасю» отбой. Робот за это время сделал еще три заброса. Наживку знатно потрепали, но в трофейном бункере, помимо первого сазана, теперь ворочались два увесистых линя с темной, лоснящейся чешуей и один наглый круглобокий карась, соблазненный остатками сала.

— Всё, хорош, — шепнул Савельич, поглядывая на часы. — Скоро рассвет, небо начнет просматриваться. Давай его назад, пока «птички» глаза не продрали.

Левша аккуратно развернул гусеничную платформу. Потяжелевший «Карась-1», тихо шурша по росе, двинулся в обратный путь. Из пластикового отсека на корме доносился глухой, обнадеживающий плеск — рыба ехала в блиндаж живой и свежей.

Когда робот юркнул под маскировочную сеть капонира, Левша с Савельичем первыми выскочили наружу. Старшина со сноровкой заправского повара перегрузил улов в эмалированное ведро, а Левша бережно снял с креплений промокший, но абсолютно целый смартфон. На экране все еще светился интерфейс приложения, зафиксировавший исторические кадры подводной охоты.

Уже через полчаса в дальнем углу блиндажа, прямо под вытяжной трубой, весело гудел сухой спирт в походной плитке. Савельич колдовал над закопченным пятилитровым котелком. Чистить рыбу доверили Левше, который делал это с особой, хирургической аккуратностью, стараясь не шуметь ножом. В кипящую воду отправились крупные янтарные куски сазана, следом пошли лини, пара картофелин, припрятанная луковица и щедрая горсть черного перца из старшинских запасов.

Запах, поплывший по блиндажу, был настолько нездешним, мирным и пронзительным, что с нар начали один за другим подниматься остальные бойцы роты. Они удивленно протирали глаза, принимались и недоверчиво переглядывались.

— Слышь, Савельич... — хриплым со сна голосом протянул пулеметчик с позывным Док. — Мне спросонья кажется, или тушенка сегодня как-то радикально сменила концепцию? Откуда рыбой несет?

— От верблюда, — буркнул довольный Савельич, помешивая уху большой деревянной ложкой.
— Скажи спасибо научно-техническому прогрессу и нашей инженерной мысли.

В этот момент тяжелая брезентовая штора, закрывавшая вход в блиндаж, отодвинулась, и внутрь шагнул командир роты. На его лице читалась крайняя степень суровости — он шел устраивать разнос за то, что ночью кто-то без приказа гонял гусеничный доставщик БК в сторону серой зоны.

— Так, я не понял... — строго начал капитан, обводя взглядом притихших бойцов. — Что за самодеятельность на позициях? Кто технику выводил? Левша, твои фокусы?

Командир не договорил. Горячий пар из котелка долетел до его носа. Капитан осекся, замолчал и уставился на дымящуюся, золотистую от рыбьего жира уху, в которой плавали аппетитные куски сазана и линя. Воздух в блиндаже был буквально пропитан ароматом

укропа, речной свежести и костра.

Строгий взгляд ротного дрогнул. Он медленно перевел глаза на Левшу, затем на ухмыляющегося Савельича.

— Рыба... — тихим, почти детским голосом произнес капитан. — Настоящая. Не консервы.

— Настоящая, товарищ капитан, — Савельич протянул командиру чистую алюминиевую миску и ложку. — С пылу с жару. Из нашего озера. Окунь-ФПВ, так сказать, постарался. Пробуйте.

Капитан взял миску, зачерпнул прозрачный, наваристый бульон, дунул и осторожно попробовал. По блиндажу разнеслось блаженное кряканье. Командир замер на секунду, смакуя вкус, а потом сурово посмотрел на притихшего изобретателя.

— Так... Оператору роботизированных комплексов Левше за проявленную инженерную смекалку и улучшение морально-психологического климата в подразделении... объявить благодарность.

Капитан зачерпнул еще ложку ухи и хитро прищурился:

— Но учти, Левша. К пятнице у нас намечается парко-хозяйственный день. Чтобы котелок на столе был как минимум в два раза больше. Задача понятна?

— Так точно, товарищ капитан, задача понятна! — улыбнулся Левша.

В блиндаже дружно рассмеялись. Завязалась привычная фронтовая беседа, звякнули ложки, и на какое-то время суровая реальность передовой отступила, побежденная простым человеческим теплом, изобретательностью и запахом свежей, домашней ухи.

Эпилог. Вкус мирного времени

К полудню от пятилитрового котелка не осталось даже запаха. Бойцы, сытые и непривычно довольные, поразбредались по своим задачам, а Левша вернулся в капонир к «Карасю». Робота нужно было перевести в штатный режим — убрать рыболовные снасти, вымыть бункер от чешуи и вернуть на место крепления для ящичков с патронами. На войне любая игрушка в первую очередь остается боевой техникой.

Савельич пришел чуть позже, притащив с собой кружку крепкого чая для парня. Он молча смотрел, как Левша аккуратно сматывает остатки тонкого оптоволокну на катушку.

— Знаешь, Левша, — тихо заговорил старшина, присаживаясь на пустой деревянный ящик. — Я ведь утром, когда уху эту ел, будто дома побывал. У меня под Донецком, в мирные годы, пруд был аккурат за домом. Мы с кумом каждые выходные там сидели. Тоже линь шел, карась... А потом завертелось всё.

Он замолчал, разглядывая свои натруженные, покрытые пороховой гарью пальцы.

— Пацаны молодые сейчас воюют, они той, прежней жизни почти не помнят, — продолжил Савельич. — Для них эти блиндажи и тушенка — уже как норма. А вот такие моменты, как сегодня... они напоминают, ради чего мы вообще здесь стоим. Чтобы земля эта снова мирной стала. Чтобы на озера ходить с нормальными удочками, а не с гусеничными роботами под прикрытием тумана.

Левша закрепил защитный кожух платформы и повернулся к старшине:

— Станет, Савельич. Обязательно станет. А пока земля отдыхает, пусть рыба растет. Нам к пятнице, между прочим, боевую задачу поставили — двойную порцию организовать. Так что я телефон на зарядку поставил, а ты давай, думай, где еще сала достать. Сазан привередливый пошел, на абы что не клюет.

Старшина впервые за долгие дни рассмеялся — открыто и легко.

— Ладно тебе, изобретатель. Сало я найду, хоть из-под земли достану. Раз комбат приказал — значит, будет у нас рыбалка.

Над позициями снова послышался привычный, далекий гул артиллерии, напоминая о том, что день продолжается и расслабляться нельзя. Но в глубине сырого блиндажа, на кухонном столе, все еще сиротливо стоял пустой, закопченный котелок, сохранивший на своих стенках едва уловимый запах мирной, домашней ухи — маленького чуда, которое бойцы создали своими руками посреди большой войны.

